



Адвокатский детектив

Наталья Борохова

Адвокат на час

«ЭКСМО»

2008

Борохова Н. Е.

Адвокат на час / Н. Е. Борохова — «Эксмо»,
2008 — (Адвокатский детектив)

Это было безнадежное, заведомо проигрышное дело. Подзащитная Лизы Дубровской Анастасия Дроздова вела себя очень странно – сводила на нет все усилия адвоката, словно заранее смирившись с приговором. А ведь ей светило не меньше пятнадцати лет! Настю обвиняли в убийстве известной бизнес-леди Дворецкой, хозяйки преуспевающего холдинга «Жемчужина», где Дроздова возглавляла юридическую службу. Дворецкая настолько приблизила к себе Настю, что поселила ее в своем роскошном особняке, сделав почти членом семьи. И вот во время празднования юбилея бизнес-леди была отравлена... Дроздову взяли на месте преступления. Многочисленные свидетели выступали на стороне обвинения. И только адвокат Дубровская знала, как помочь своей подзащитной...

Содержание

* * *	5
Полгода назад...	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Наталья Борохова

Адвокат на час

* * *

Настя невольно вздрогнула, услышав тяжелые шаги конвоира. Он явно направлялся в ее сторону. Мгновение, и его грузная фигура заслонила собой узкий проем зарешеченного пространства.

– Что? Уже пора? – Она приподнялась с места.

Он посмотрел на нее недоуменно, словно вместо нее на нарах должен был оказаться кто-то другой. Например, матерый уголовник, бритый наголо, с синими от татуировок руками, ну или на худой конец разбитная бабища с кривой ухмылкой на отеком лице. В душном подвальной помещении областного суда, куда десятками доставляют каждый день убийц и насильников, такой публики хватает с лихвой. Они, будто звери в тесных клетушках, стонут, мечутся, огрызаются, дожидаясь часа суда. Но появление здесь этой девчонки с чистым, без намека на косметику, лицом, невинными, как у ребенка, глазами казалось событием неординарным. Нечасто залетают сюда подобные пташки.

– Сиди пока, – кашлянул он, словно почувствовав неловкость. – На вот, почитай, коли охота есть.

Он сунул ей через прутья газетные листы и, тяжело развернувшись, потопал обратно.

– Зря ты с ней церемонишься, – неодобрительно отозвался другой конвоир. – Если тебя смущает ее высшее образование, то плюнь и разотри. Да и корочки адвокатские ей уже не понадобятся. Здесь она такая же, как все. Убийца, одним словом.

– Но ведь приговора еще не было, – тихо урезонил его товарищ.

– Будет! Помяни мое слово, будет. Уж я-то много чего слышал. Ее взяли на месте преступления, и целая дюжина очевидцев показывают на нее пальцем. Прокурор говорил, что процесс будет недолгим. Лет пятнадцать ей навесят, как пить дать.

– Ну, хоть защитник-то у нее есть?

– А как же, – обрадовался коллега. – Конечно, есть. Дубровская. Слышал о такой?

– Что-то не приходилось.

– Еще бы! Молодая недотепа, на вид не старше своей подзащитной. Короче, нас ждет не процесс, а цирковое представление. Жаль, нельзя с собой взять пакетик воздушной кукурузы.

– Да, дела! – протяжно вздохнул его товарищ. – Ей бы кого посерьезней в адвокаты нанять. Срок ведь не маленький светит.

– А кто пойдет-то? – удивился второй. – Денег-то у нее кот наплакал. Да и маститые защитники от нее нос воротят. Говорят, опозорила всех адвокатов разом.

– Вроде как паршивая овца в стаде?

– Вроде того...

Настя, конечно, слышала разговор, удивляясь про себя собственному равнодушию. Уже давно миновали те дни, когда она заливалась слезами, кидаясь к каждому, кто хотел ее выслушать, с заявлениями о собственной невинности. Похоже, никому не было до этого никакого дела. Следовательно, ехидно улыбаясь, говорил ей непреложные истины о чистосердечном признании и минимальном наказании. Товарки в камере кивали головами и твердили, что у них все то же самое: они невинновны и сидят здесь по чистому недоразумению.

На смену отчаянию пришла полная апатия. Она образцово выполняла команды конвоя, не нарушала режим и считалась идеальной узницей. Только ее взгляд, бессмысленный, обра-

щенный куда-то в себя, не выражал ни радости, ни злобы. Казалось, чувства покинули ее навсегда. Ее уши слышали ставший уже привычным лязг запоров, нос так же вдыхал смрад следственного изолятора, руки покорно складывались за спину. Но мысли, свободные от оков, витали где-то в прошлом, где все еще было хорошо, где все было озарено ласковым светом надежды...

Рука потянулась к газете. Так и есть! Первую страницу украшала большая статья с фотографией. «Адвоката-убийцу привлекают к ответу!» Боже мой, как ее только не называли: и «оборотнем в юбке», и «адвокатом смерти», и «подлой отравительницей». Наверняка шустрые журналисты ничего не слышали о презумпции невиновности, согласно которой объявить человека преступником может только суд и только на основании приговора. Но, должно быть, писаки уже провели над ней свое собственное судилище и пригвоздили ее к позорному столбу. Взять хотя бы эту статейку.

«Профессиональные юристы прогнозируют, что уголовное дело в отношении Анастасии Дроздовой будет рассмотрено в рекордно короткие сроки. Действительно, уличающих преступницу доказательств у прокурора хватит на десятерых.

Напоминаем читателям, пропустившим информацию об этом громком процессе, что подсудимая обвиняется в умышленном убийстве известной бизнес-леди Вероники Дворецкой, хозяйки преуспевающего холдинга „Жемчужина“. Дроздова оказывала юридическую помощь предпринимательнице и была в ее доме частым гостем. Несмотря на железную деловую хватку и редкую проницательность, госпожа Дворецкая не распознала в начинающей адвокатессе задатки хладнокровной убийцы, за что и поплатилась. Трагическое событие произошло в день празднования семидесятилетия предпринимательницы, в ее собственном доме. Многочисленные свидетели подтвердят под присягой, что именно из рук своего адвоката пожилая женщина приняла бокал с ядом. Дворецкая скончалась до прибытия „Скорой помощи“. После ее смерти выяснилось, что все свое многомиллионное состояние предпринимательница завещала оборотистой девице. Надеемся, что суровый приговор станет хорошим уроком преступнице».

Вот так. Впрочем, ничего нового. Только внизу приписка: «Редакция газеты будет благодарна каждому читательскому отклику в дискуссии на тему: „Почему в России не применяется пожизненное заключение в отношении женщин?“»

- Представьтесь, пожалуйста.
- Дворецкая Элеонора.
- Кем вы приходитеесь погибшей?
- Я ее старшая дочь.
- По делу вы признаны потерпевшей. Выслушайте информацию о ваших правах и обязанностях...

Немолодой судья монотонно зачитывал выдержки из Уголовно-процессуального кодекса, но потерпевшая слушала его не слишком внимательно. Стоя на свидетельской трибуне, женщина чувствовала себя в центре всеобщего внимания, и это ей нравилось.

Это была статная особа лет сорока, весьма эффектная. Густые волосы с медным отливом служили роскошной рамой для ее лица с несколько крупными чертами. Чувственные пухлые, даже несколько вывернутые губы приковывали взгляд. Кошачьи глаза насыщенного зеленого цвета, умело оттененные золотистыми тенями, хищно щурились. Пальцы в массивных перстнях впивались в дамскую сумочку, как в собственную добычу. Она была породиста и высокомерна. Она знала себе цену, и окружающие вынуждены были принимать это как данность...

– Скажите, потерпевшая, как складывались ваши отношения с матерью? – выплыл откуда-то со стороны вопрос прокурора.

Элеонора непонимающе уставилась на него. Откуда взялся этот плюгавый, маленький и крайне самодовольный человек? Ее губы изогнулись в подобии усмешки, но она тут же

взяла себя в руки. Прокурор играл с ней на одной стороне. Стало быть, эмоции следовало придержать.

– Замечательные отношения, – заявила она. – Какие еще отношения могут быть между дочерью и матерью? Она советовалась со мной во многих деловых вопросах. Всегда считалась с моим мнением. Мы с ней были очень близки. Не скрою, Вероника являлась незаурядной личностью, с ней не всегда было легко. Но мы понимали друг друга. Только вот в последнее время...

– Вот-вот, расскажите, что случилось незадолго до ее смерти.

Элеонора перевела тяжелый взгляд на скамью подсудимых, где сидела Настя. Ногти с кроваво-красным маникюром еще сильнее впились в сумочку.

– В наш дом вторгся посторонний человек. Именно не пришел и не появился, а *вторгся*. Наглая, напористая девица, возомнившая себя опытным адвокатом, стала влезать в семейный бизнес и даже давать какие-то советы матери.

– Позвольте поинтересоваться. Насколько мне известно, у Вероники Анатольевны имелась собственная юридическая служба?

– Совершенно верно. И возглавлял ее известный адвокат Корицкий. Его услугами мать пользовалась последние пятнадцать лет.

– Что вы говорите? Сам Корицкий Борис Рудольфович? – делано округлил глаза прокурор. Конечно, об этом он знал и без Элеоноры, но больно уж момент был подходящий. Не сделать акцент на личности бывшего адвоката известной предпринимательницы обвинитель не мог. – Позвольте, позвольте... Это тот самый Корицкий, которого журнал «Щит и меч» включил в «золотую десятку» лучших адвокатов России?

– Вот именно, – выпятила губы потерпевшая.

– И вы хотите сказать, что госпожа Дворецкая предпочла высокому профессионализму Бориса Рудольфовича неопытность нашей подсудимой. Так, что ли?

– Конечно. Мне известно, что эта девица не проработала и месяца в адвокатской конторе перед тем, как моя мать взяла ее к себе на службу.

– Протестую, ваша честь, – раздался высокий нервный голос. С места вскочила худенькая темноволосая девушка, адвокат подсудимой. – Потерпевшая допускает неточность. Анастасия Дроздова была адвокатом уже целых три месяца. У нас и справка есть.

– Целых три месяца! – придурковато воскликнул обвинитель. – Простите, действительно ошибочка вышла.

Он склонил голову, словно собираясь расшаркаться перед молодым адвокатом. Судья едва сдержал улыбку. Похоже, ситуация его забавляла.

– Ну, так продолжим, – прокурор снова повернулся к потерпевшей. – Должно быть, Борис Рудольфович потерял хватку и ваша мать решила его заменить?

– Ничего подобного, – облизнула пухлые губы Элеонора. – Он не проиграл ни одного дела. Но в мать словно бес вселился. Она отстранила его от дел, а к себе приблизила вот эту выскочку.

– Потерпевшая, следите за выражениями, – заметил судья. – Нас интересуют факты, а не ваши эмоции.

– Хорошо. – Элеонора выглядела недовольной.

– Так как вы можете объяснить столь странное поведение госпожи Дворецкой? – продолжил допрос прокурор.

– Мама была уже в преклонном возрасте. Вам ли не знать, пожилые люди так подозрительны. А эта ваша э-э-э... адвокат пришлась ко двору. На первый взгляд скромная, готовая услужить, она расположила к себе Веронику, завоевала ее доверие, а уже после этого начала ею манипулировать. Конечно, мне все это не нравилось. Я неоднократно говорила матери об этом. Но кто же мог тогда предположить, что все так трагически обернется?

– Благодарю вас за ответы. Больше вопросов не имею.

– У защитника будут вопросы к потерпевшей?

– Нет, ваша честь.

– Следующий свидетель?

– Дворецкая Антонина, дочь погибшей.

На трибуну поднялась невысокая грустная женщина, полный антипод Элеоноры. Разница была так существенна, что никому из присутствующих и в голову бы не пришло, что эти две полярные героини являются родными сестрами. Антонина была такой бледной и невыразительной, что к ней подходило единственное сравнение – мышь. Такая серенькая и тихая мышка. Медные волосы Элеоноры в варианте младшей дочери Дворецкой казались крайне неухоженными и невыразительными, словно сделанными из ржавой проволоки. Черты лица ничем не поражали воображение: белесые ресницы и брови, бледные губы, выцветшие глаза. На ее скулах играл нервный румянец. Было видно, что женщина волнуется.

– Каковы были ваши взаимоотношения с погибшей? – спросил прокурор.

– Я очень любила маму, – негромко ответила Антонина.

– А она вас?

– Думаю, тоже, – ответ звучал неуверенно.

– Как вы можете объяснить, что ваша мать лишила вас, как, впрочем, и других своих детей, наследства, переписав завещание на постороннего человека – своего адвоката?

Антонина сделала паузу, прежде чем ответить. Когда она начала говорить, голос ее дрожал от еле сдерживаемого возмущения. Было видно, что семейная история тронула ее до глубины души.

– Моя мать стала жертвой хитроумной интриги, организованной подсудимой. Дроздова воспользовалась преклонным возрастом Вероники, ее внушаемостью. Она настраивала мать против собственных детей и преуспела в этом.

– У вас есть примеры?

– Конечно. Эта особа очернила каждого из нас в глазах Вероники. Так, во время проведения конференции в отеле, возглавляемом моей сестрой, произошел досадный инцидент с приемом гостей одной из арабских стран, и Дроздова поспешила обвинить во всем Элеонору. Она представила рядовой случай как умышленно спланированную акцию. Мать вспылила, последовал тяжелый разговор, после чего она не общалась с дочерью месяц.

– Надо же, подсудимая имела такое влияние на вашу мать?

– Колоссальное! Она даже заставила мать поверить, будто бы ее единственный сын является вором.

– Да неужели?

– Именно так. У Анастасии пропал золотой браслет. Так, ничего особенного, обыкновенная недорогая вещица. На самом деле она подбросила браслет в комнату моего бедного брата для того, чтобы потом, в присутствии свидетелей, обвинить его в краже.

– Ну, а не мог ваш брат м-м-м... действительно взять его?

– Мой брат? Исключено! Впрочем, Элеонора стала невольной свидетельницей этой ее выходки. Она видела, как интриганка орудует в комнате Владислава. Жаль только, маму мы не смогли убедить! Помнится, она причитала: «Боже мой, как он мог!»

– Ну а вас Дроздова помиловала?

– Если бы! – вздохнула женщина. – Она внушила матери, что я с нетерпением ожидаю ее смерти. Якобы только и грежу о наследстве! Видели бы вы, как завелась после этого Вероника! Она устроила мне жуткую сцену и выгнала из дома. Несколько суток я находилась у своей подруги, не решаясь вернуться домой.

– Но как же это ей удалось? Ведь ваша мать не была легковверной особой.

– Дроздова подсунула ей какую-то папку с вырезками из каталогов недвижимости за рубежом. Там были крестиком помечены самые дорогие варианты, да еще были вложены визитные карточки риелторских фирм с контактными телефонами главных специалистов. Мать была в шоке. – Голос Антонины даже сорвался от волнения. – Конечно, на свою зарплату я не могла рассчитывать на столь роскошные приобретения. Судите сами, вилла на Лазурном Берегу мне не по карману. Я всего лишь заведую скромным салоном красоты.

– Действительно, для вас это было неосуществимой мечтой.

– Да я даже и не рассчитывала на это! Вы ведь не мечтаете купить собственный остров или самолет? Для того чтобы хотеть, надо еще и мочь, в конце концов.

– Совершенно с вами согласен.

– Дроздова ловко провернула это милое дельце. Притворившись невинной овечкой, она передала папку в руки матери. Якобы я оставила ее в машине. На обложке она не забыла проставить мои инициалы. Ну, для того, чтобы у Вероники пропали всякие сомнения на мой счет. Вот такими методами действовала мамина адвокатесса. Для достижения цели все средства хороши. Похоже, это она усвоила крепко. Чему удивляться, что в конце концов она решилась на убийство!

– Но позвольте, между интригами и убийством существует огромная пропасть. Вы не торопитесь с выводами? – выразил притворное сомнение прокурор.

– Я выражаю общее мнение, – твердо заявила Антонина. – Наш семейный врач, Иван Васильевич Пирогов, человек, заслуживающий уважения, с первого дня появления нового адвоката у нас в доме всячески пытался предостеречь Веронику.

– Позвольте, от чего же?

– Иван Васильевич – светило науки, человек очень просвещенный. Профессор медицины. У него хорошо развита интуиция, и он с самого начала полагал, что мать, доверяя судьбу семейного бизнеса невесте откуда взявшейся девице, совершает большую ошибку. Он пытался подобрать аргументы, призывал к здравому смыслу Вероники, только все без толку! Мать словно заклинило на этой Дроздовой!

– Все-таки давайте оперировать фактами. Почему Пирогов так невлюбил вашего нового адвоката?

– Я думаю, он видел ее насквозь. Он называл ее бездарью. Говорил, что она погубит семейное дело.

– А что же Вероника Анатольевна? Прислушалась к его словам?

– Совсем нет! В довершение всех бед она перестала доверять и ему тоже. А ведь он предупреждал мать, что Дроздова убьет ее!

– Вот как? Очень интересно. – Прокурор даже потирал руки от удовольствия. – Нельзя ли подробнее? И медленнее, пожалуйста, у нас ведется протокол.

– Конечно. Дело в том, что Иван Васильевич, как семейный врач, был в курсе всех проблем со здоровьем у Вероники. Он неоднократно предупреждал ее о необходимости соблюдать его предписания, в частности, принимать нужные лекарства. А когда отношения между ним и матерью стали портиться, Дроздова взяла в свои руки лечение Вероники.

– Боюсь, я не совсем понимаю. Как это «взяла в свои руки»? Дроздова ведь по профессии юрист?

– Совершенно верно.

– Так как же она могла лечить вашу мать?

Антонина вздохнула:

– Вероника не принимала никаких лекарств из рук доктора. Она требовала, чтобы все ей передавала Дроздова: то есть покупала в аптеке, распечатывала, сверяла дозировку и подавала бутылочку с негазированной водой. Видите ли, Вероника в последнее время была очень

подозрительна и пила только воду из запечатанных бутылок. Она боялась, что ее отравят! Так вот все манипуляции с лекарствами проводила адвокат.

– А что же доктор?

– А что доктор? Он предупреждал, что Дроздова путает дозировку. Однажды, когда она в очередной раз перемешала все пилюли между собой, он накричал на нее: «Вы убьете ее!» Но Дроздова даже ухом не повела. Иван Васильевич бросился к матери: «Вероника, голубушка! Эта девица планомерно гробит ваше здоровье. Помяните мое слово, она отравит вас!» Мать сделала вид, что не слышит его.

– Какова была реакция врача, когда все-таки отравление произошло?

– В тот вечер доктор был с нами. Он и констатировал смерть матери. После того как Иван Васильевич сложил на груди Вероники руки, поняв, что ничем больше ей не сможет помочь, он подошел к Дроздовой. «Вы убили ее!» – произнес он четко. Зарыдав, он удалился из комнаты.

Прокурор подал рукой знак свидетельнице помолчать, а затем обратился к председательствующему:

– Ваша честь! Иван Васильевич Пирогов числится в списках свидетелей обвинения. К сожалению, произошло несчастье. Доктор попал в автокатастрофу. В настоящий момент он находится в реанимации без сознания. Будем надеяться, что он все-таки поправится.

Судья кивнул, и обвинитель опять повернулся к свидетельнице:

– Благодарю вас за ответы. Больше вопросов не имею...

– Адвокат Дубровская, ваши вопросы.

– Вопросов нет.

– Благодарю. Кто у нас дальше?

– Владислав Дворецкий, сын погибшей.

На трибуну поднялся мужчина. Положив руки на наклонную доску прямо перед собой, он приготовился отвечать на вопросы прокурора. Согласно анкетным данным, ему не было еще тридцати лет, но выглядел он намного старше. И дело, пожалуй, было даже не в манере одеваться. Напротив, он, по всей видимости, предпочитал щеголеватый стиль: ботинки с какими-то немислимыми пряжками, джемпер с заклепками, цепи с подвесками на шее. Но под воспаленными голубыми глазами уже набрякли мешочки, что часто бывает у пьяниц и людей, ведущих беспутный образ жизни. У него были рыжие волосы и красноватая кожа. Рот казался вульгарным, был крупным, как у старшей сестры. На лице уже появился двойной подбородок, да и слегка выдающийся вперед живот свидетельствовал о нелюбви Дворецкого-младшего к физическим упражнениям.

– Каковы были отношения между вами и вашей матерью? – последовал традиционный вопрос прокурора.

– Необыкновенно теплые. Мама была самым светлым человеком в моей жизни. – Парень даже всхлипнул для убедительности, но в его словах явно чувствовалась фальшь.

– Как же так произошло, что Вероника Анатольевна не упомянула вас в завещании?

– Понятно как. Вон у той спросите.

Он ткнул пальцем в сторону Анастасии Дроздовой.

– Обязательно спросим. Только сейчас ваша очередь отвечать на вопросы. Что можете пояснить вы?

– Она настроила Веронику против меня. Стерва!

Судья постучал по столу карандашом.

– Попрошу соблюдать такт. Для выражения своих эмоций можно использовать другие, более мягкие выражения.

Влад был явно не согласен с судьей, но спорить не стал.

– Ладно, ваша честь. Скажу только, что это очень... нехорошая женщина. Она наговорила про меня матери кучу гадостей.

– Например?

– Например, что я пристаю к ней, к Дроздовой. Но это неправда! Мне она не нравилась с самого начала. Меня привлекает другой тип женщин, – он облизнул губы. – А попить можно?

– Дайте Дворецкому воды, – распорядился председательствующий.

Секретарь, семеня по полу звонкими каблучками, поднесла свидетелю стакан воды.

Влад пил жадно. Прильнув толстыми губами к пластиковому стаканчику, он пил, как дикое животное, наконец, добравшееся до водопоя. Вытерев губы тыльной стороной руки, он обратился к прокурору:

– Кроме того, Дроздова обвинила меня в краже ее грошового браслета. А ведь когда она пришла к нам, была бедна, как церковная мышь! На кой шут сдалась мне ее побрякушка? Но моя мама, моя самая лучшая мама на свете, не поверила мне. – В его голосе опять зазвучали фальшивые слезы.

Прокурор, предчувствуя, что разговор пойдет по кругу, поспешил сменить тему:

– Вспомните о событиях десятого октября.

– Мама праздновала в этот день юбилей.

– Мне это известно. Расскажите подробнее. Остановитесь на том, что предшествовало отравлению.

Влад пригладил волосы на макушке и вздохнул.

– Было много гостей. Все веселились, и мама тоже. Никто ведь тогда не знал, что произойдет. Бедная мама! – последовал очередной всхлип.

– Факты, пожалуйста.

– Ну, так вот. Часам к двенадцати ночи, когда все гости уже разошлись, в гостиной остались только свои.

– Позвольте полюбопытствовать, кто такие эти *свои*?

– Все ее дети, прислуга, наш семейный доктор и, конечно же, *эта!* – он ткнул пальцем в подсудимую. – Я ни за что бы ее не назвал *своей*, но бедная мама так считала.

– Что было дальше?

– Мы сидели, беседовали. Мама собиралась уже идти отдыхать. Не забывайте, ведь ей исполнилось семьдесят. Она ненадолго закрылась в своей комнате, а потом вышла к нам. «Настенька, детка, – обратилась она к Дроздовой. – Принеси-ка мне снотворного. Боюсь, мне не уснуть после всей этой суматохи!»

– Вполне естественная просьба, не так ли?

– Вот и нам так показалось. Дроздова пошла за лекарством. Что-то долго искала там, на кухне, потом вышла со стаканом воды и какой-то коробочкой в руках. Прошла в спальню к матери, а через минуту она выскочила оттуда. «На помощь!» – крикнула она. Мы кинулись в спальню.

– Что же вы увидели?

– Мать лежала на полу скрючившись. Губы ее посинели. «Доктор, скорее, – закричал я. – Искусственное дыхание!» Пирогов был уже рядом, щупал пульс, заглядывал в зрачки. «Поздно, – сказал он. – Она мертва». А потом повернулся к Дроздовой, она рядом стояла. «Вы – убийца!» – только и произнес он.

– Достаточно, – прервал его прокурор. – Давайте-ка уточним некоторые детали.

– Давайте.

– Кто, кроме подсудимой, прикасался к стакану с водой и лекарству?

– Только Дроздова! Да никто и не мог этого сделать. Мать в последнее время принимала лекарство лишь из ее рук. Кроме того, не забывайте, все мы сидели в гостиной. На кухне была только эта... очень нехорошая женщина.

– А прислуга?

– И прислуга была рядом. Домработница и кухарка сидели за столом. Мы им позволили немного перекусить и отдохнуть после утомительного приема.

– А если предположить, что убийца подложил ядовитую пилюлю в лекарство, а Дроздова, ничего не подозревая, подала ее матери?

– И этот вариант отпадает.

– Почему же?

– Вы не поверите, – глуповато хихикнул он. – Впрочем, даже я сам, когда узнал о предосторожностях Вероники, не верил. Решил, что старушка дожила до малярии. Видите ли, она предвидела подобный вариант. Поэтому потребовала от Дроздовой, чтобы та всегда носила лекарства при себе, в дамской сумочке.

– И что, та никогда не выпускала из рук сумочку?

– Представьте, никогда!

– Даже когда шла м-м-м... в туалет?

– Даже тогда.

– Да уж! – прокурор задумался. – Так что же тогда Дроздова делала на кухне? Ну, если, как вы утверждаете, лекарства она всегда держала при себе?

– А шут ее знает! Может, искала запечатанную бутылку воды. А может, прятала ядовитую пилюлю. Не могла же она это делать при матери.

– Хм! Спасибо. Больше ответов не имею.

– У защитника подсудимой появились вопросы?

– Нет, ваша честь.

– Ну что же, тогда продолжим...

– Артур Плюхин, адвокат. Член адвокатской коллегии «Правозащита».

На трибуне появился низенький коренастый мужчина в классическом костюме с галстуком. Жидкие волосы едва прикрывали лысеющую макушку. Он моментально «сфотографировал» длину ног секретарши, сделал несколько «снимков» наиболее симпатичных участниц процесса, но, когда его взгляд зацепился за скамью подсудимых, лицо адвоката исказила судорога. Он поджал губы.

– Как долго вы знакомы с подсудимой? – подоспел вопрос прокурора.

– С того времени, как ее занесло в нашу контору. Что-то около шести месяцев.

– По вашему ответу незаметно, что вы благодарите судьбу за возможность быть коллегой Дроздовой, – ехидно заметил прокурор.

– Ну, как известно, она больше не является мне коллегой. Впрочем, ответу начистоту: особых сожалений по этому поводу у меня нет.

– Неужели у вас были столь напряженные отношения?

– Нет, дело не в этом. Просто не люблю людей, которые предпочитают урвать все и сразу, забывая о необходимости трудиться. Для таких, как Дроздова, весь мир – это блюдецко с голубой каемочкой, на котором все разложенные там блага предназначаются только для них самих.

– Как вы оцениваете профессиональные качества подсудимой?

– Да никак! Абсолютно никчемная девица, правда, крайне самоуверенная и нахальная.

– Но у нее, как известно, диплом с отличием.

– Это не показатель. Может, лет так через десять она нахваталась бы практики от опытных коллег, но сейчас ее профессиональный уровень – это ноль без палочки.

– А вам известно, что подсудимая оказывала юридическую помощь известной бизнес-леди Дворецкой?

– Ну, так результат такой помощи нам известен, не правда ли?

– Все же ответьте на вопрос.

– Конечно, я был в курсе и недоумевал, как и мои коллеги, зачем преуспевающей предпринимательнице обращаться за юридическим советом к вчерашней студентке. Но это, если хотите, я расцениваю как старческую блажь. Со всем уважением к потерпевшим, – Артур шаркнул ножкой и послал самую искреннюю из своих улыбок Элеоноре. – Вам ведь известны случаи, когда богатые старики отписывают все свое многомиллионное состояние любимой собачке? Так вот, Дроздова – это вариант такой домашней любимицы, последней прихоти богатой дамы. В отличие от собачки, она может не только тявкать, но еще и говорить. Может принести тапочки и намылить спинку. Однако бедная миллионерша не учла, что домашние животные всегда верны и благодарны, а вот прикормленные люди могут отличаться жестокостью и коварством.

– Вы можете это пояснить?

– Конечно. Я утверждаю, что Дроздова с самого начала планировала убийство предпринимательницы!

– Это, знаете ли, очень смелое утверждение.

– Но тем не менее это факт! Когда в нашу контору явилась эта особа, она имела вид бедной овечки. Скромная, просто одетая. Мы знали, конечно, что она осталась без родственников и находится, так сказать, в «финансовой дыре». Признаюсь, мы все хотели ей помочь. Даже я приложил к этому немало усилий, – адвокат скромно потупился. – Она отвергла нашу поддержку, а когда ее под свое крыло взяла госпожа Дворецкая, девица преобразилась до неузнаваемости. Стала заносчивой, неприступной.

– Вы можете подтвердить это фактами?

– Конечно. Она перестала со мной здороваться, а перед другими коллегами всячески демонстрировала свое превосходство.

– Все же вернитесь к тому, как Дроздова планировала убийство.

– Ага. Ну, так вот. Комната, в которой сидят у нас несколько адвокатов, вполне просторная. Но работать, знаете ли, не совсем удобно. Что говорит один адвокат – известно всем. Тут уж шила в мешке не утаишь. Так вот эта Дроздова заявила однажды коллегам, что скоро станет очень богатой.

– Она не сказала почему?

– Вот и мы поинтересовались, где у нас раздают большие деньги. Может, стоило побежать и стать в очередь, – с претензией на юмор заявил Артур и посмотрел в сторону подсудимой. Та упорно рассматривала линолеум на полу и абсолютно не реагировала на выпады свидетеля. – Так вот Дроздова хитренько улыбнулась и заявила, что эта информация пока секретна. «Может, тебя ждет богатое наследство?» – спросил кто-то из нас. «Может быть», – ответила она. Кто бы мог тогда подумать, что это не розыгрыш? Потом она взяла в руки телефон и записную книжку. Первый звонок, как мне помнится, она сделала в агентство недвижимости и попросила подготовить ей информацию о продаже помещений под офис. Удивительно, но она потребовала самые дорогие варианты в центре. «Цена не имеет значения», – небрежно бросила она. Потом Дроздова позвонила еще в одну фирму и попросила к телефону ведущего дизайнера, заявив, что хочет заручиться его помощью. Ее интересовали самые дорогие образцы мебели для кабинетов. Что-то она плела про английский стиль, который обожает. Окончательно «добила» она нас звонком в имидж-студию. Там, видите ли, ей должны были разработать концепцию ее делового образа, а также бренд ее собственной юридической фирмы: стиль одежды, всякие там логотипы, визитки, фирменные бланки... А еще она требовала какие-то ковры с вензелями, рекламную кампанию в СМИ и собственный сайт.

– Скажите, а Дроздова могла позволить себе подобные траты, исходя из той заработной платы, которую она получала?

– Никоим образом. Максимум, что она могла себе приобрести, так это канцелярские скрепки, – охотно отозвался Плюхин. – Правда, мне известно, что Дворецкая положила ей две тысячи долларов в месяц. Но согласитесь, этого ведь недостаточно, чтобы скупить весь мир!

– Думаю, что нет. Так где же, по-вашему, Дроздова собиралась взять деньги?

– Из завещания предпринимательницы, конечно!

– Благодарю, вы мне здорово помогли, – улыбнулся прокурор.

– Всегда готов прийти на помощь...

– У адвоката Дубровской будут вопросы?

– Нет, ваша честь.

– Дальше...

– Родионов Николай Иванович, нотариус.

Маленький мужичок с портфелем под мышкой вид имел встревоженный. Глаза за толстыми стеклами очков беспокойно бегали по сторонам. Он боялся большого скопления представительных людей: судьи в черной мантии, прокурора, судебных приставов и конвоя. Герб на стене и трехцветный государственный флаг за спиной председательствующего, решетка перед скамьей подсудимых, высокие своды зала судебного заседания – все приводило его в священный трепет, граничащий с обморочным состоянием. Даже старая овчарка, мирно дремавшая на сапоге конвоира, казалась ему символом величия судебной власти, способной отправить его на лесоповал, даже не уточнив, за какие грехи.

– Как можно охарактеризовать ваши отношения с погибшей? – спросил прокурор.

– Сугубо деловые, – негромко ответил нотариус. – Госпожа Дворецкая, занимаясь предпринимательской деятельностью, частенько обращалась ко мне для составления различного рода документов и удостоверения сделок...

– Нас больше интересует завещание госпожи Дворецкой. Этим также занимались вы?

– Конечно. За годы сотрудничества между мной и Вероникой Анатольевной сложились доверительные отношения. У нее не было нужды обращаться к другому нотариусу. – Родионов устался на прокурора, пытаясь отгадать, доволен ли тот его ответом.

Судя по всему, он был на верном пути, поскольку государственный обвинитель прошаживал мимо свидетельской трибуны, довольно потирая руки и изредка поглядывая в сторону судьи. Похоже, он сам пытался предугадать ход мыслей председательствующего.

– Значит, говорите, доверительные отношения? – прокурор задумался. – А когда впервые обратилась к вам Дворецкая по вопросу составления завещания?

Нотариус сдвинул брови, пытаясь вспомнить.

– Лет десять назад. – Он кивнул головой. – Точно, десять. Будучи особой практичной и здравомыслящей, Вероника Анатольевна любила порядок в делах.

– Ну и какова была ее воля на тот момент?

– Она оставляла все свое имущество детям в равных долях.

– Вполне разумно, на мой взгляд, – улыбнулся прокурор. – Будьте добры, напомните суду суть последнего завещания Дворецкой.

Лицо нотариуса пошло бурыми пятнами. Он поглядел на прокурора, как утопающий смотрит на спасительный круг. Но тот не собирался подсказывать нужный ответ. Родионов вздохнул.

– Все свое имущество Вероника оставила своему адвокату Дроздовой, – произнес он, словно зачитывая некролог.

– Вам известно, кто эта женщина?

Нотариус покосился в сторону решетки.

– Подсудимая. Я понял это уже из газет.

– Верно. Но кем она приходилась Дворецкой: приемной дочерью, сестрой, племянницей? Кем?

– Никем, – обреченно ответил Родионов. – Дроздова была ее адвокатом, но это я уже говорил.

– А я являюсь прокурором, но мне же она не оставила наследства!

Судья оторвался от своих бумаг и почти ласково попросил:

– Соблюдайте этические нормы, если не хотите получить замечание в протокол.

– Извините, ваша честь! Ну, так я продолжу. Почему такое странное завещание? Вы не находите?

– Нахожу. Но Вероника говорила мне что-то про сложности во взаимоотношениях с детьми. Якобы ни один из них не достоин наследства. Что они неблагодарны, непрактичны и пустят деньги по ветру.

– В то время как Дроздова...

– Милая девушка с непростой судьбой. Вероника сказала что-то вроде того, что именно она раскрыла ей глаза на истинный облик детей, часто сетовала на то, что после смерти Дворецкой семейный бизнес придет в упадок.

– Но вы не пытались ее отговорить, наставить, так сказать, на путь истинный?

– А что я могу? – захлопал глазами нотариус. – Я же не семейный психолог. Существует такое понятие, как «свобода завещания». И если ей угодно было завещать все свое имущество Дроздовой, значит, так тому и быть. Последняя воля – это закон!

Прокурор выдержал паузу.

– Хм! А давайте зайдем с другой стороны. Как известно, завещание пишут в твердом уме и здоровой памяти...

– Вы хотели сказать наоборот, – робко поправил нотариус.

– Какая разница! – отмахнулся обвинитель. – Ну, так как у госпожи Дворецкой с этим обстояли дела? Замечали ли вы у нее какие-нибудь странности в поведении?

– Если не брать в расчет содержание завещания, то, пожалуй, она вела себя как обычно.

– Не заговаривалась? А может, она путала цифры и факты, а заодно имена и фамилии людей?

– Нет, ничего такого, – задумчиво ответил нотариус, а затем добавил: – Я в жизни не встречал более трезвомыслящей женщины. Это была ее последняя воля. Но на волю ведь мог кто-нибудь и повлиять.

Последний ответ пришелся в точку. Государственный обвинитель удовлетворенно потрянул головой.

– Больше вопросов не имею, ваша честь!

– Адвокат Дубровская, ваши вопросы.

– Я отказываюсь от допроса свидетеля.

– Вы хорошо подумали? Боюсь, у вас не будет больше возможности задать ему вопросы. –

Председательствующий обеспокоенно смотрел в сторону адвоката.

– Спасибо, ваша честь. Но я воздержусь от допроса.

– Как хотите. Обвинитель, что там еще у вас?

– Позвольте огласить данные экспертиз?

– Пожалуйста.

Прокурор оглядел зал. Публика была в его распоряжении. Она внимала ему, как обычно внимают человеку, устами которого вещает истина. Он был убежден, что зрители мыслят так же, как и он, так же ждут развязки судебного поединка. Правда, адвокат Дубровская несколько смазала картину его триумфа. Он желал подавить ее своими доводами, разбить ее защиту в пух

и прах, выставить ее на всеобщее посмешище. К этому были все основания. Но эта адвокатесса, по-другому и не назовешь, продолжала молчать, лишая его блестящей возможности одержать победу в схватке. Невысока цена выигрыша, если ты сражаешься с ребенком или недоумком. В этом случае, по всей видимости, имели место оба варианта.

Эх, была, не была!

– По делу было проведено несколько экспертиз. Согласно одной из них, смерть госпожи Дворецкой наступила от острого отравления цианидом, а если точнее, синильной кислотой. Смерть наступила моментально, поэтому какие-либо реанимационные мероприятия были бесполезны. Судебный медик отметил характерный запах горького миндаля изо рта погибшей, а также ярко-красную оболочку слизистых, что типично для отравления цианидами. Добавлю от себя, что подобные вещества используются в фармакологической промышленности, сельском хозяйстве и в фотографии. Все вышесказанное, на мой взгляд, исключает версию бытового отравления. Смертельная пилюля не случайно оказалась среди безвредных снотворных средств, она умышленно была туда помещена подсудимой!

Судья постучал молоточком по столу.

– Напоминаю обвинителю, что время судебных прений еще не наступило. Выводы будете делать позже.

– Хорошо, ваша честь. Идем дальше. На очереди заключение дактилоскопической экспертизы. На пузырьке с лекарствами и стакане с водой обнаружены хорошо различимые отпечатки пальцев, принадлежащие подсудимой и погибшей Дворецкой. Стало быть, ничья посторонняя рука этих предметов не касалась. Таким образом, версия о постороннем вмешательстве тоже исключается.

– Я уже делал замечание, – возмутился председательствующий. – Неужели надо повторять несколько раз?

– Нет-нет, ваша честь! Азарт, знаете ли...

Судья едва сдержал улыбку.

– Ну, так вот! У нас есть еще результаты почерковедческой экспертизы, согласно которой текст завещания был написан рукой Дворецкой. Никаких данных, свидетельствующих о том, что Вероника Анатольевна находилась в эмоционально неустойчивом состоянии, не выявлено: никаких болезненных реакций, дрожи, волнения. Почерк обычный. Так что она была спокойна, наша бизнес-леди, спокойна, как покойник. Простите, ваша честь, за случайный каламбур!

Елизавета Дубровская готова была плакать от досады. Защита рушилась, а на горизонте, в самой ближайшей перспективе, маячило громкое поражение. А ведь советовали ей знающие люди не браться за это дело, потому что, кроме проигрыша, оно ничего не сулило. Но Дубровская не была бы самой собой, если бы хоть иногда прислушивалась к дельным советам. Она была неисправимая оптимистка и всегда верила в лучший исход. Несколько раз судьба поощряла адвоката за столь легкомысленное отношение к жизни, но на этот раз, по всей видимости, лимит ее терпения исчерпал себя.

– Вы собираетесь что-нибудь предпринять, черт возьми? – горячился молодой человек, буквально зажав Лизу в темном углу судебного коридора. – Как долго вы собираетесь молчать?

Конечно, Дубровская могла гордо ответить нахалу, что ничем ему не обязана, что всего лишь является защитником по назначению, что, в конце концов, смешно требовать от человека, получающего скромное вознаграждение от государства, заоблачных чудес. Но Лиза была старомодно воспитана и считала неприличным само упоминание о каких-либо денежных обязательствах.

– Понимаете, – пыталась оправдаться она. – Это всего лишь адвокатская тактика. Ну, искусство ведения защиты.

– Чего-чего, а искусства я здесь не заметил, – возразил молодой человек. – Вы сидите, как в рот воды набравши, в то время как прокурор сколачивает эшафот для моей невесты.

– Ну, насчет этого можете быть спокойны, – решила обнадежить его Дубровская. – Смертная казнь, впрочем, как и пожизненное заключение, в отношении женщин не применяется.

– Вы что, издеваетесь? – вспыхнул мужчина. – Анастасия должна быть оправдана. Я знаю, что она не способна на те ужасные вещи, о которых здесь все говорят.

– Если бы еще убедить в этом суд, – приуныла Елизавета. – Вы же видите, что факты ведут нас совсем в другую сторону. Свидетели словно сговорились между собой в любом случае засадить ее за решетку; данные экспертиз – в ту же кучу! Нет, я определенно не встречала такого дела. Полная безнадежность, и ни малейшего проблеска.

– Ну, вы же адвокат, черт подери! Сделайте же что-нибудь.

– Не чертыхайтесь, – обиженно промолвила Лиза. – Я, конечно, адвокат, но не волшебница. Кроме того, ваша невеста тоже была адвокатом, если вы об этом еще не забыли, но что-то я не заметила в ее поведении и проблеска самозащиты. Напротив, она ведет себя неразумно, словно только и дожидается обвинительного приговора.

– Например? Что Настя делает не так?

– Она не была откровенна со мной. Конечно, мне было известно про напряженные отношения с детьми Вероники. Но откуда все эти интриги? Непонятная история с пропавшим браслетом, какой-то прием арабских шейхов, буклеты с зарубежной недвижимостью. А эта ее нелепая выходка в конторе? Видите ли, ковры с вензелями ей понадобились! У нее что, проблемы с головой?

– Да нет. Я уверен, что это просто глупая шутка!

– Шутка? А вы знаете, что такое обнаружение преступного умысла? Нет? Ну, вот то-то же! Ваша невеста выдала свои криминальные планы, да еще в присутствии десятка свидетелей.

– Но что все-таки делать? – В голосе молодого человека звучало отчаяние.

– Я вызову ее для допроса. Может быть, общими усилиями мы сгладим то негативное впечатление, которое осталось у суда после допроса свидетелей обвинения.

– А это получится?

– Возможно. Хотя ручаться за это дело сейчас может лишь только сумасшедший.

«Или сумасшедшая», – добавила она про себя.

– Подсудимая, вы признаете себя виновной в убийстве госпожи Дворецкой Вероники Анатольевны?

– Нет, не признаю.

– Тогда поясните суду, верно ли, что из ваших рук потерпевшая приняла лекарство десятого октября прошлого года?

– Совершенно верно. Это я подала Веронике таблетку снотворного и стакан воды.

– Как известно, потерпевшая приняла внутрь цианид, а не снотворное. Как вы можете объяснить причину этого недоразумения?

– Убийства, – тихонько поправил Дубровскую прокурор, изобразив на лице слащавую улыбку.

Судья стукнул молоточком, призывая к порядку.

– Я никак не могу это объяснить, – пожала плечами Настя.

– Это правда, что вы по настоянию Вероники Анатольевны всегда носили лекарства при себе?

– Да, в небольшой дамской сумочке на плече.

– Было ли такое, что вы оставляли сумочку без присмотра в день празднования юбилея Дворецкой?

Задав вопрос, Дубровская уставилась на подсудимую, словно желая силой мысли передать ей нужный ответ.

«Да. Скажи: да. Забыла на журнальном столике, когда пила коктейль. Повесила на ручку в уборной, а вспомнила об этом через полчаса. В конце концов, ляжка все время соскальзывала с плеча, и с этой проклятой сумкой было так неудобно наслаждаться изысканными кушаньями. Придумай что-нибудь!» – молила она.

– Ни десятого октября, ни в любой другой день я не оставляла сумку с лекарствами без присмотра, – твердо заявила Настя. – Это была просьба Вероники Анатольевны, и я отнеслась к ней со всей серьезностью.

– Кто-нибудь мог без вашего ведома подменить лекарства? – Дубровская отчаянно цеплялась за вопрос.

– Исключено. Вы же понимаете, что это невозможно.

Адвокат едва подавила горестный вздох.

– Почему доктор Пирогов назвал вас убийцей?

– По всей видимости, он решил, что Вероника Анатольевна погибла по моей вине.

– А каковы были ваши взаимоотношения с Пироговым? Не было ли у него по отношению к вам необъективности, предвзятости?

«Скажи, что это был старый сукин сын! Что он невзлюбил тебя с самого начала. Скажи, что он ревновал тебя к Веронике, поэтому придирался на каждом шагу», – посылала Дубровская мысленные импульсы своей подзащитной.

– Иван Васильевич – заслуженный врач, – следовал ответ. – Он искренне любил мою хозяйку и тревожился за ее здоровье.

– Почему же она не доверяла этому заслуженному врачу?

– Потому что больше доверяла мне.

– Вы слышали показания детей Вероники Анатольевны. Не считаете ли вы, что они настроены против вас?

– Это же естественно. Меня обвиняют в убийстве их матери. Как они должны еще реагировать?

«Боже мой, да у нее в голове солома!»

– А как вы относитесь к случаю, рассказанному адвокатом Плюхиным? Вы на самом деле вели подобные разговоры по телефону?

– Да, это правда.

– Вы что, на самом деле собирались все это купить?

– Нет. Я просто пошутила.

– Позвольте узнать цель этой шутки?

– А что, у шутки бывает цель?

– С меня довольно! – в бешенстве крикнула Дубровская, адресуя реплику молодому человеку, который буквально бежал за ней. – Если вашей невесте не терпится надеть петлю на шею, я умываю руки!

– Елизавета Германовна, подождите. Ну, постойте же! – Он схватил Лизу за руку. – Чем я могу помочь? Ну, хоть что-то я могу сделать для Насти?

– Конечно, – она перевела дух и даже улыбнулась. – Взять вину в убийстве Дворецкой на себя...

– К стене. Руки за спину.

Запястья обхватили холодные кольца наручников.

– Пошла вперед!

Настя двинулась как робот, механически передвигая ноги.

– Освободить коридор!

Они следовали по узкому проходу, а посетители, вставая с насиженных мест, поспешно удалялись в сторону окон и лестничных пролетов, чтобы даже краешком одежды не задеть эту угрюмую женщину в тюремных браслетах. Словно она была прокаженной, словно она могла кинуться на них. А ведь было время, она сама так же пробегала по судебному коридору, звонко постукивая каблучками, невольно вздрагивая каждый раз, когда мимо нее проводили человека в наручниках. Боже мой, это ведь было полгода тому назад!

– Позвольте один вопросик! – к ней кинулась молодая женщина с блокнотом в руках. – Как вы собирались потратить состояние Дворецкой? Правда, что оно оценивается в сто миллионов долларов?

Настя остановилась как вкопанная, натолкнувшись на любопытные, ждущие сенсации глаза.

– Да вы ополоумели, что ли, гражданка? – изумился конвоир. – А ну брысь с дороги! А ты давай топай. Чего остановилась?

Она получила ощутимый толчок в спину и двинулась вперед, словно лошадь по требованию кучера.

– Я, между прочим, журналистка, – летел по коридору звонкий голос. – Скажите все-таки, если бы у вас была возможность вернуть время назад, вы поступили бы точно так же?

Вернуть назад время? Настя вздрогнула. Это был бы выход...

Полгода назад...

Настя Дроздова выскочила из подъезда своего дома, преодолев последние две ступеньки крыльца одним прыжком.

– Куда торопишься, красавица? – догнал ее вопрос старого соседа.

– На работу, дядя Миша! – весело ответила она. – У меня сегодня первый рабочий день.

– И кто ты теперь у нас?

– Адвокат, я – адвокат!

– Ух, ты! Стало быть, ты теперь важная птица. Что же, прикажешь теперь тебя по отчеству величать? Евгеньевна, значит?

– Бросьте, дядя Миша. Для вас я по-прежнему Настя. Если у вас появятся какие-нибудь вопросы, заходите, не стесняйтесь!

– Нет уж, – упрямо качал головой старик. – Адвокат – это мне не по карману!

Дроздова с наслаждением подставила лицо яркому солнечному свету. Еще нет и девяти часов, а воздух на улице уже нагрелся. Никакой утренней прохлады нет и в помине. Значит, день снова будет жарким, и свободные от работы горожане двинутся за город, поближе к речкам, озерам и ручейкам, где, подставив полуобнаженные тела солнцу, будут наслаждаться дивным сочетанием жары и водной свежести. Находиться в городе в такие дни означало подвергать себя добровольной пытке. Но Настя и не думала роптать. Она спешила на новую работу, и прохожие, завидуя столь искренней радости на лице незнакомой девушки, невольно оглядывались ей вслед. Хотя, возможно, для этого была и другая причина.

Настя Дроздова не являлась красавицей в строгом понимании этого слова, но это было неважно, поскольку любой мужчина старше шестнадцати лет и моложе семидесяти признал бы ее весьма привлекательной особой. У нее было приятное лицо с умными серыми глазами, роскошные, пепельного цвета волосы и точеная фигурка, доставшаяся ей в наследство от матеританцовщицы. Но ни ямочки на щеках, ни по-детски припухлые губы не могли обмануть внимательного собеседника. В ее взгляде, в манере поведения чувствовалась сила, несколько смягченная неоспоримым женским очарованием. Но, во всяком случае, назвать ее «милочкой» или «душечкой» мог только весьма недалекий молодой человек. Большинство из них, осознавая ее привлекательность, замечали еще и другие, не менее ценные достоинства: веселый нрав, доброжелательность и сообразительность. Правильнее сказать, Настя была умна, но это качество мужчины неохотно признают в женщинах, тем более в молодых и симпатичных блондинках...

Анастасия, поправив ладно сидящий на фигуре деловой костюм, зашла в помещение адвокатской конторы «Правозащита», с волнением осознавая, что делает первые шаги в новую, волнующую жизнь. Какой она будет, Настя пока представляла себе плохо, но почему-то была уверена в том, что ее ждет впереди только хорошее...

В холле юридической конторы на стене висели фотографии адвокатов, теперь уже коллег Дроздовой. Судя по всему, в небольшом помещении, состоящем из трех комнат, работали два десятка высокопрофессиональных юристов, к числу которых и должна была присоединиться новенькая Дроздова.

«Скоро здесь будет и моя фотография», – с улыбкой подумала она, внимательно разглядывая цветные глянцевые снимки, словно пытаясь отгадать, придется ли ей по душе новый коллектив. Конечно, всех она запомнить не смогла, но вот о некоторых из своих коллег она уже получила представление.

Итак, заведующий, Рыков Петр Иванович. Круглолицый мужчина, в очках. Выглядит респектабельно, как и полагается настоящему адвокату.

«Он будет замечательным начальником, – подумала Настя. – Строгим, но справедливым. Он познакомит меня с коллегами, и в его лице я обрету хорошего наставника. Быть может, он мне подкинет для начала несколько несложных дел, чтобы я могла разобраться в тонкостях адвокатской кухни».

А вот красивая молодая женщина: Воробей Елена Михайловна. Струящиеся черные волосы, ярко-синие глаза.

«Могу заключить пари, Воробей и Дрозд обязательно подружатся, – решила для себя Настя. – Мы еще будем сидеть в кафе после окончания процесса и, вызывая неодобрение официантов, громко смеяться, вспоминая детали судебного поединка».

Кто еще? Плюхин Артур Всеволодович. Лысеющий, улыбающийся мужчина в галстуке.

«Балагур, любит рассказывать анекдоты, может стать душой любой компании. Развеселит, когда на душе скребут кошки. Поможет в любой ситуации, только попроси».

Были, конечно, и другие фотографии, но, бегло осмотрев ряды совершенно незнакомых лиц, Дроздова уже успела себя поздравить. Ей чрезвычайно повезло с коллегами. Работа на новом месте станет для нее истинным удовольствием...

– Вы на прием? – спросил рядом чей-то густой бас.

Настя оглянулась. На нее вопросительно смотрел круглолицый мужчина в очках. «Да ведь это же мой начальник!» – подумала она и, призвав на помощь одну из своих самых ослепительных улыбок, торопливо произнесла:

– В какой-то мере на прием. Петр Иванович, я – ваш новый адвокат. Рада с вами познакомиться.

– А почему вы обращаетесь ко мне? – удивился мужчина.

– Ну, так как же? Разве не вы мой новый начальник, Рыков Петр Иванович?

– Петр Иванович – это я! – прозвучал недовольный голос, в котором явно прослеживались сварливые интонации. Рядом с ней материализовался, словно из воздуха, маленький, круглый человечек. Он оказался значительно ниже Насти. – Между прочим, я не начальник, а заведующий.

– Простите, – пробормотала Настя.

– Прощаю. Ступайте ко мне в кабинет. Дверь рядом со шкафом.

Анастасия озадаченно огляделась. В холле было два шкафа и две двери. Какая же из них ей нужна? Она направилась к той, которая была ближе.

Попав в маленькое помещение, девушка остановилась на пороге. Конечно, она перепутала двери. Здесь, должно быть, располагался архив адвокатской конторы. На полках от пола до потолка теснились всевозможные папки и картонные коробки, доверху набитые бумагой. У окна стоял старый письменный стол, на котором помещался такой же древний телефонный аппарат. На подоконнике, заваленном пластиковыми файлами, гордо высился электрический чайник.

В спертом воздухе явно ощущалась пыль, и у Насти защекотало в носу. Она выскочила в холл, где заведующий по-прежнему разговаривал с одним из адвокатов.

– Что-то не так? – спросил он. – Кажется, я просил вас подождать в кабинете.

– Я перепутала двери, – смущенно улыбнулась она. – И попала в какой-то чулан.

Мужчины недоуменно переглянулись, но потом лицо Рыкова приобрело цвет вареной свеклы.

– Нехорошо начинаете, коллега, – процедил он. – Конечно, я ценю юмор, но ехидство и насмешки меня раздражают.

Тут только до Дроздовой дошло, какую она сделала глупость. Она стала бормотать извинения, но начальник остановил ее небрежным кивком головы:

– Ступайте в кабинет.

Настя повиновалась. Что ей еще оставалось делать? Освободив от бумажного хлама стул, она уселась с видом приговоренной к казни и стала дожидаться своего палача.

Когда Петр Иванович наконец-то появился, по его веселому расположению духа Дубровская поняла, что гроза миновала. Судя по всему, Рыков был отходчивым человеком. Он уселся за стол, привычным движением смахнув на пол ненужные бумаги.

– Ну-с, и чья вы дочь? – спросил он весьма дружелюбно.

– Что? – переспросила Настя. – В каком смысле?

– В самом прямом, разумеется. Кто ваши отец, мать? Как, вы говорите, ваша фамилия?

– Дроздова.

Петр Иванович нахмурился.

– Дроздова, Дроздова... Что-то не припоминаю.

– Да откуда же вам меня знать, – удивилась Настя. – Ведь вы меня видите в первый раз.

– Ну а родители?

– Они не имеют никакого отношения к адвокатуре. Хотя отца я не знала вообще, а мама когда-то танцевала в балете, ну а потом взялась преподавать в студии народного танца.

– Какой балет? Какие танцы? – оторопел Рыков. – Вы что, издеваетесь надо мной?

– Нет-нет, – заверила Настя. – Просто мамы нет уже полгода, так что вся эта самостоятельность осталась в прошлом.

– Так откуда вы взялись?

– Как откуда? Я успешно сдала квалификационный экзамен, и меня направили к вам.

– Вы хотите сказать, что попали к нам просто так, с улицы?

– Ну, примерно так.

– Час от часу не легче!

Анастасия огорчилась. Похоже, заведующий был не особо рад видеть в стенах своей конторы новую сотрудницу.

– Не знаю, что вам и сказать, дорогая, – помолчав, сказал Рыков. – Конечно, я не выставлю вас за дверь, но, честно говоря, я не представляю, как вы здесь будете работать.

– А что, есть какие-то проблемы?

– Есть, – захрустел он костяшками пальцев. – Вам наверняка известно, что адвокатская деятельность предполагает значительные затраты: плату за аренду помещения, за рекламу, за труд бухгалтера и уборщицы, а также взносы в пенсионный фонд и в адвокатскую палату. Кроме того, существует вступительный взнос за возможность трудиться в нашем славном коллективе.

– И это мне придется оплачивать с моих первых гонораров? – ужаснулась Анастасия.

– В том-то и дело, что нет. Вы должны будете платить ежемесячно, вне зависимости от того, есть ли у вас клиенты или нет.

– Постойте, но откуда же тогда мне взять деньги?

– Боюсь, это мало нас интересует. – На лице Рыкова появилось выражение искренней скорби. – Откровенно говоря, я не представляю, как вы со всем этим справитесь, деточка.

– Но вы не могли бы помочь мне м-м-м... найти клиентов?

– Ну, что вы! – воскликнул Рыков. – Здесь вам не благотворительная организация. Здесь каждый отвечает сам за себя!

Должно быть, на лице новенькой отобразилась крайняя степень отчаяния, потому что начальник, испытав несвойственное ему сострадание, принял непростое решение.

– Ладно. Кое-что я могу для вас сделать, – заявил он и несколько раз ударил рукой по стене. – Эй, кто-нибудь. Подойдите сюда!

Через минуту на пороге появился невысокий, коренастый человечек с чахлой растительностью на голове. Прежде чем Анастасия успела сказать что-нибудь, он галантно представился:

– Артур Плюхин. К вашим услугам.

«Это тот самый балагур и весельчак», – вспомнила Настя.

– Артур, – попросил его заведующий. – Не в службу, а в дружбу, возьми-ка ты шефство над нашей молодой коллегой. Покажешь ей, что тут и как.

– С удовольствием, – улыбнулся Артур, ошупывая Настю внимательным взглядом.

– Ну, вот. Идите, – благословил их Рыков, не без облегчения вздохнув. Он рад был сбросить с плеч утомительную ношу. Тем более он успел сделать доброе дело, от этого ему становилось вдвойне приятно.

– Эй, постойте! Как там вас? – вдруг вспомнил он.

– Анастасия Евгеньевна, – назвалась Настя.

– Не забудьте, взнос должен быть уплачен в течение месяца, иначе выгоним, – сказал он. – А также не забывайте про всякие там налоги!

Он махнул рукой, показывая, что аудиенция закончена...

– Я поздравляю вас, – проговорил Артур, как только они оказались вдвоем в пустом холле. – Впервые в наших стенах, и уже столько шума. Вы имели успех.

– У кого? – бестолково спросила Настя.

– Неважно. Знаете ли, мне кажется, что мы с вами подружимся. – Он придвинулся к девушке, и она ощутила запах мятной жвачки из его рта. – Считайте, милая, что вы вытянули сегодня счастливый лотерейный билет.

– Почему?

Он подошел еще ближе и одной рукой обнял ее за талию.

– Вы не знаете, кто здесь главный сексапил? – негромко спросил Артур, буравя ее плотоядными глазками. – Тебе повезло, детка, я мужчина, что надо.

– Я польщена, – насмешливо сказала Настя. – Но на «ты» мы, кажется, еще не переходили.

– Так в чем проблема? – удивился он. – Давай перейдем.

– Не выношу фамильярности, – призналась она.

– А ты расслабься, крошка. Держись меня, и ты покоришь адвокатский Олимп...

В помещении, куда они попали, было полным-полно столов и адвокатов. Честно говоря, у Анастасии голова пошла кругом от суматохи, царившей в офисе. Попеременно звонили мобильные телефоны. Адвокаты вели долгие переговоры, успевая перекидываться репликами с коллегами. Кто-то консультировал клиента, кто-то собирался перекусить. На подоконнике надрывно свистел чайник. Стучали ящики столов, шелестели страницы. Кто-то кашлял, а кто-то чихал.

– И что, я буду работать *здесь*? – спросила она.

– Что, впечатляет? – гордо спросил Артур. – Считай, что тебе повезло. Не каждому удастся тут пристроиться. Сидеть будешь вон там.

Он показал ей на столик в углу, где лежала стопка книг и стояла фотография в рамочке с изображением забавного малыша.

– Но здесь уже кто-то сидит, – возразила Настя.

– Совершенно верно, – ничуть не смутился он. – Кроме тебя, за этим столом работают еще два адвоката.

– Но как же мы будем сидеть втроем? – удивилась она.

– Нет ничего проще. Будете работать по очереди.

– Это как?

– Экая ты дуручка! Ну, как тебе объяснить? Адвокаты – народ очень занятой, поэтому невелика вероятность, что вы встретитесь втроем за одним столом. Пока они будут заняты в

суде, ты будешь полноправной хозяйкой своего рабочего места. Ну, а когда вернутся в контору – тогда извини, пересядешь куда-нибудь на свободное место.

– Мне нужен другой стол! – твердо заявила Настя. – Я не могу сидеть здесь!

– И не надо, – улыбнулся он, переходя на громкий шепот. – Мы можем сидеть вместе. Я уступлю тебе краешек своего стула или ты предпочитаешь колени?

Настя содрогнулась. Она прошла на свое место и без сил опустилась на стул. Это был акт капитуляции. Она сдалась...

Делать ей было совсем нечего. Она разложила перед собой несколько тоненьких брошюр и углубилась в чтение Уголовного кодекса. Вскоре она поняла, что пытаться сосредоточиться, работая в муравейнике, – это пустая трата времени.

Настя оглянулась вокруг и встретилась глазами с молодой красивой женщиной. Она сидела за соседним столом и бесцельно вертела в руках дорогой мобильный телефон. Черные волосы шелком падали на ее плечи, а яркие синие глаза удивительно гармонировали с кофточкой цвета летнего неба.

– Привет! – сказала Настя.

Женщина уставилась на нее, как на привидение.

– Меня зовут Анастасия Дроздова. Я – ваша новая сотрудница.

Ее коллега, похоже, была немой.

– Можете не представляться, – улыбнулась Настя. – Кажется, я знаю, как вас зовут. Елена Соловей. Угадала?

Небесные глаза коллеги заволочла гроза, и они стали почти черными.

– Артур, кто это такая? – визгливо спросила она.

– Наша новенькая адвокатесса, – отозвался Плюхин, доставая из портфеля бутерброды с колбасой. – Она же тебе уже сказала.

– Пока я услышала только оскорбление.

У Анастасии округлились глаза.

– Да-да. Она назвала фамилию Соловей, а, между прочим, я – Воробей!

– Она не хотела, – вступился Артур, пронзая колбасу зубами.

– Я не хотела, – подтвердила Настя. – Я просто перепутала. Простите за ошибку. Хотя я не совсем понимаю, почему это вас так задело. По-моему, Соловей звучит более романтично, чем Воробей.

– Артурчик, это невыносимо! – заявила Елена тоненьким голоском. – Если ты в ответе за эту девицу, прошу, призови ее к порядку. Не хватало еще на собственном рабочем месте выслушивать гадости.

Плюхин, не без сожаления, оставил колбасу и повернулся к Анастасии.

– Голубушка, будьте внимательны, – попросил он. – Я думаю, что ошибок на сегодня было предостаточно. Дайте нам передышку.

Настя вынуждена была признать, что на сей раз Артур говорил истинную правду. За первый свой рабочий день она умудрилась сделать слишком много досадных промахов. Нужно было во что бы то ни стало исправлять положение. Сомнений, что у нее все получится, не было никаких...

«Как бы я хотела знать, мамочка, что ты сейчас обо мне думаешь? Видишь, твоя дочь стала адвокатом. Ты ведь об этом так мечтала. Помнишь?»

Настя обращалась к снимку в кожаной рамке, где была запечатлена совсем еще молодая женщина с печальными серыми глазами. Внешне мать и дочь были очень похожи между собой. Глядя на Веру Дроздову, можно было с большой определенностью сказать, как будет выглядеть Анастасия через двадцать лет.

«Ты всегда останешься стройной, а твоей походке будут завидовать, – предсказывала мать. – Вот только я не хочу, чтобы ты повторяла мои ошибки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.